

материя поется, долженствует состоять сею стопою; а хорей, с природы нежность и приятную сладость имеющий сам же собою, должен токмо составлять элегической род стихотворения и другие подобные, которые нежных и мягких требуют описаний, потому что он сверху вниз упадет, чем больше показывает нежную умильность, нежели высоту и устремительное течение».⁷ Сумароков присоединился к мнению Ломоносова, в те годы его учителя. Но Тредиаковский оспорил самый принцип характеристики размеров «самих по себе» как замкнутых форм. Он утверждал, «что некоторая из сих стоп сама собою не имеет как благородства, так и нежности; но что все сие зависит токмо от изображений, которые стихотворец употребляет в свое сочинение, так что иамбом состоящий стих равно изобразит сладкую нежность, когда нежные слова приберутся, и хореем высокое благородство, ежели стихотворец употребит высокие и благородные речи». В подкрепление этого принципиального положения Тредиаковский привел аргументы конкретно-метрического порядка, и, нужно сказать, аргументы сильные. Во-первых, он утверждал, что хорей и ямб противоположны только по внешности, а по сути дела они различаются только анакрузой, первым слогом (к такому взгляду пришли и наши современные советские стиховеды), и что, следовательно, каждый из этих размеров может иметь свойства другого. Во-вторых, он логически точно говорил, что если ямб высок и благороден, а хорей противоположен ему, он должен бы быть «низок и подл», а не «умилен и нежен», что если бы «восхождение» ударения было признаком высокого героического стиха, то «Илиада» и «Энеида» были бы написаны «восходящим» анапестом, а не «нисходящим» дактилем, что в стопах нет ни восхождения, ни нисхождения, а что есть в них прерывная цепь ударных и неударных звуков. «Защитник хорей, как прочие оба его называли, хотел было пространнее доказывать, что мнение его не в том состоит, чтоб он приписывал точно обеим сим стопам некоторое особое свойство высоты или нежности, но по положению токмо, то есть, буде иамб собою высок, то он совокупно собою ж и нежен; а буде хорей собою нежен, то он также притом и высок: ибо в прочем не признает он, как говорил выше, ничего сего в стопах, но причитает все разности слов. Но оба прочие не хотели от него ничего больше слышать, да токмо склонили его к тому, чтоб ему сочинить оду хорейскую, и выбрали себе на сие псалом 143-й. Сей есть случай и причина сих трех од, двух иамбических, а одной хорейской, которые ныне свету подаются»

⁷ У нас есть все основания доверять изложению чужих взглядов, сделанному Тредиаковским в данном случае: без сомнения, Ломоносов и Сумароков утвердили текст этого изложения, разрешая опубликование своих стихотворений при этом общем и анонимном, как бы от всех трех исходящем, предисловии.